

Текст · 19 августа 2022, 07:55

Никита Сологуб,

Третьяковка отказалась мириться с охранником, дорисовавшим «глазки» на картине ученицы Малевича. Дело 64-летнего инвалида рассматривает суд

Новость о том, что на выставленной в екатеринбургском «Ельцин Центре» картине ученицы Казимира Малевича Анны Лепорской «Три фигуры», появились «глазки», прогремела незадолго до войны, в середине января этого года. Еще через месяц стал известно имя «вандала», о поисках которого то и дело писали СМИ: им оказался 64-летний охранник Александр Васильев.

Стоимость картины, которая по растиражированной в СМИ информации составляла 75 млн рублей, и образ простого уральского охранника, не разбирающегося в искусстве, послужили поводом для насмешек в социальных сетях, ютубе, комментариях под новостями и даже на телевидении.

«Это был охранник. Он пришел и в свой первый же рабочий день пририсовал глаза. Что особенно важно, директор "Ельцин Центра" отметил, что 60-летний охранник испортил картину с помощью фирменной ручки "Ельцин Центра"», — шутил на Первом канале ведущий Иван Ургант.

Сам Васильев поговорил с журналистами лишь раз — в местном издании *El.Ru* вышла статья

с заголовком: «Дурак, что я наделал!». Мужчина показывал журналистам медаль «За отвагу» с первой чеченской войны, рассказывал о ранении — осколками было изрешечено все тело, включая голову — и каялся: «[Картины] оставляли тяжелое впечатление. Старался мимо пройти не глядя. Наблюдал, как люди реагируют, и вот смотрю: стоят ребятки лет 16–17, обсуждают, почему нет глаз, рта, никакой красоты! В компании были девчонки, они и попросили меня: "Нарисуйте глаза, вы ведь тут работаете". Я их спросил: "Это ваши работы?". Они: "Да". Дали мне ручку. Я нарисовал глаза. Я думал, это просто их детские рисунки!».

После этого популярный блогер Илья Варламов в своем ютуб-шоу [посоветовал](#) Васильеву не «сваливать свою безответственность на детей», а «Ельцин Центру» — выдавать охранникам сканворд, чтобы «руки не чесались».

Жизнь Александра Васильева

Жена Васильева Юлия говорит, что интервью и известность дались Васильеву тяжело, поэтому общаться с журналистами он больше не хочет. «Ему тяжело разговаривать с людьми. Журналисты нас одолевали, и если бы даже начали его спрашивать, он бы и не понял, о чем речь... Они быстро говорят, как и мы с вами, а вот он не понимает. Он будет стоять, на тебя смотреть и не ответит», — объясняет она «Медиазоне».

Сама Юлия познакомилась с Васильевым два года назад, ему было 63, а ей — 51. «Я вдова, и он вдовец. Мы случайно познакомились, потом встретились,

потом еще раз встретились, решили попробовать пожить. Мне было тяжело, ему было тяжело, а вместе легче. Потом расписались. Он мне рассказывал о себе в общих чертах, но кому в пенсионном возрасте это интересно? Молодым этого не понять, что когда становишься старым и у тебя погибает вторая половина, рядом с которой прожил всю жизнь, наступает одиночество, опустошение в душе, и хочется рядом все равно кого-то иметь», — пытается объяснить жена Васильева.

Бывшие супруги Александра и Юлии скончались от болезней за несколько лет до их знакомства. Через три месяца после смерти жены у Васильева случилась вторая трагедия: его единственного сына убили.

«Он с другом и с девушкой пошел жарить шашлыки. И там к ним подсели два наркомана, психических — не знаю, как их еще назвать. Стали к девушке приставать, а сын его за нее заступился и получил один шампур в плечо, а другой прямо в сердце», — рассказывает Юлия. После смерти сына ее будущий муж крепко запил, у него случился инсульт, а затем «психоз», говорит Васильева, сама работающая врачом. В одной из больниц они и познакомились — Александр был пациентом.

Хотя ментальное расстройство Васильева диагностировано экспертизой^[1], а составляющий стоимость реставрации ущерб Третьяковской галерее, которая владеет картиной Лепорской, полностью покрыла страховка, 19 августа бывшего охранника начал судить мировой суд Верх-Исетского района Екатеринбурга — по настоянию Третьяковки,

которая отказалась от примирения сторон и настаивает на уголовном наказании для ветерана Чечни.

Ущерб и уголовное дело

На смену в «Ельцин Центре», где проходила выставка «Мир как беспредметность. Рождение нового искусства», 7 декабря прошлого года Васильев попал случайно.

Он уже давно не работал и получал пенсию по инвалидности. «Когда его, Пикассо недоделанного, вызвали на смену, я сказала: "Сиди дома, все равно толку нету, деньги задерживают, только на еду да на автобус потратишь. Что приносишь, то и проедаешь". Он говорит: "Мне скучно дома". Ну и перезвонил и пошел», — говорит Васильева. Вернувшись со смены, Александр ничего необычного не рассказывал. За день работы ему заплатили тысячу рублей.

Только в конце месяца Васильеву позвонил бригадир ЧОП, в котором пенсионер иногда подрабатывал, и попросил его прийти написать объяснительную. Юлия, которая слышала разговор мужа по телефону, вспоминает, что тот ответил на ее недоуменный вопрос примерно так же, как позже в интервью сайту *El.Ru*: «Думал, что это дети рисовали, а глазки не дорисовали, вот, решил подправить».

На тот момент участковый уже рассмотрел заявление директора по развитию «Ельцин Центра» Ольги Жданович. В нем она оценивала ущерб от «глазок» в 150–200 тысяч рублей и просила зафиксировать факт повреждения картины, но отмечала, что для «Ельцин

Центра» это сумма незначительная, а обращение необходимо только для возмещения страховой суммы, которая покроет работы по реставрации. Состав преступления по статье об умышленном повреждении^[2] имущества полицейский не усмотрел и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

«Ельцин Центр» в Екатеринбурге. Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Однако позже Минкультуры направило в Генпрокуратуру жалобу и потребовало возбудить дело с переквалификацией на более жесткую статью о повреждении^[3] объектов культурного наследия.

Начальнику отдела полиции, в котором работал участковый, пришлось написать в «Ельцин Центр» запрос с просьбой объяснить условия страхования. Из ответа выяснилось, что уже на следующий день после инцидента картину осмотрел реставратор обладателя предмета искусства — Третьяковской

галереи — и установил, что та подлежит реставрации без какого-либо ущерба.

Из приложения^[4] к акту для реставрации, опубликованного СМИ, стала известна фамилия Васильева. Сумму в 75 млн рублей журналисты ошибочно приняли за стоимость картины — на самом деле это сумма страхования, а не рыночная^[5] цена.

Проверку передали другому дознавателю, майору Шульгиной, которая изучила камеры наблюдения и возбудила дело о вандализме^[6], а потерпевшей стороной по нему признала Третьяковку. Представитель галереи на допросе пояснил, что, хотя ручка Васильева задела лишь самый верхний слой краски художницы и была стерта реставратором без последствий, ущерб галерее составил 250 290 рублей: это затраты на исследование, подготовку проекта реставрационной методики и собственно реставрацию произведения.

Лечение и наказание

На допрос в качестве подозреваемого Васильев пришел вместе с адвокатом Алексеем Бушмаковым, который прочитал о мужчине в новостях, посочувствовал ему и вызвался помочь.

«Просто они сами там пишут: картине причинен "временный" ущерб, "временная" порча. То есть даже следов нет этой ручки, то есть ничто даже не напоминает о том, что был вандализм. Поэтому я заинтересовался, так как наличие состава

преступления здесь большой вопрос», — объясняет он.

Зная, что фактического ущерба никто, кроме страховой компании, не получил, Бушмаков посоветовал новому клиенту согласиться со всем, что говорит дознаватель. Васильев так и сделал: на видео себя узнал, в рисовании признался.

«Обстановка в помещении, где я должен был находиться, меня сильно угнетала, потому что было очень шумно, многолюдно, посетители себя шумно вели, отчего у меня болела голова», — объяснял инвалид.

После этого Васильева отправили подтвердить поставленный в городском психоневрологическом диспансере диагноз «непсихотическое расстройство смешанной этиологии с легким когнитивным снижением» на амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе.

Судебные эксперты заключили, что расстройство действительно присутствовало и, хотя не исключало вменяемость, привело к неспособности в полной мере осознавать характер и общественную опасность своих действий.

Несмотря на это, эксперты порекомендовали назначить бывшему военному и принудительное амбулаторное лечение у психиатра, и уголовное наказание, чем удивили Бушмакова. «То есть обычно, если дурку назначают людям, то там стоит вопрос только о наблюдении или лечении в стационаре. А

здесь еще указали, что и наказание нужно, вместе с этим!» — недоумевает адвокат.

Когда обвинение Васильеву предъявили в окончательной редакции (в нем говорится, что тот, «игнорируя принятые в обществе правила поведения», «противопоставляя себя общественным интересам», нанес на картину «схематичное изображение глаз», тем самым приведя ее «в частичную непригодность для общественного пользования»), Бушмаков написал письмо в Третьяковскую галерею с просьбой о примирении сторон. Гендиректор галереи Зельфира Трегулова ответила, что не «считает возможным обращаться к судье» с заявлением о прекращении дела, «учитывая обстоятельства уголовного дела», «нанесенный ущерб картине» и «высокую степень общественного резонанса».

Бушмаков предполагает, что такой категоричный ответ может быть связан не с материальным ущербом, а с репутационными потерями московской галереи.

«Но если ваша выставка была так организована, что картины даже были не под стеклом, что появился вот такой Васильев и решил эти глазки нарисовать, сейчас вы что, мстите за это, что ли? И что даст Трегуловой наказание уголовное этому Васильеву? Но тем не менее такая вот позиция у нее странная: устраивает любое уголовное наказание, связанное с осуждением, хотя примирение сторон позволило бы прекратить дело без судебного следствия», — удивляется адвокат.

На процессе Бушмаков попросил о назначении меры воздействия в виде судебного штрафа, который тоже не считается судимостью, но судья в этом отказал. Тогда адвокат попросил рассмотреть дело в особом порядке, чтобы Васильев получил «минимальный минимум».

Сам ветеран Чечни работать охранником больше не хочет, говорит его супруга.

Редактор: Агата Щеглова

---

1. Документы есть в распоряжении редакции.
2. Статья 167 УК.
3. Статья 243 УК, предусматривает до трех лет лишения свободы.
4. Документы есть в распоряжении редакции.
5. Оценка стоимости картины в рамках уголовного дела не проводилась.
6. Часть 1 статьи 214 УК.